

ПУБЛИЦИСТИКА Ф. ЭНГЕЛЬСА В «МАНЧЕСТЕРСКИЙ ПЕРИОД»

(ДЕКАБРЬ 1842 — АВГУСТ 1844 Г.)

В. В. Сазонов

Переезд Ф. Энгельса в Англию в ноябре 1842 г. открыл новый период в формировании его мировоззрения — окончательный переход от идеализма к материализму и от революционного демократизма к коммунизму. В. И. Ленин отмечал, что «социалистом Энгельс сделался только в Англии»¹. Становление Энгельса как социалиста и обстоятельства, сопутствовавшие этому процессу, нашли отражение в его статьях и корреспонденциях той поры. Они характеризуют идейные искания молодого революционера и фиксируют их результаты.

В начале октября 1842 г., закончив прохождение воинской службы в артиллерийской бригаде, Энгельс уехал из Берлина домой, в Бармен, где вопрос о его поездке в Англию для работы в фирме «Эрмен и Энгельс» был уже предreshен. Для его отца не составляли секрета радикальные воззрения сына. Хорошо зная характер своего первенца и полагая, что тот «не остановится на общепринятых воззрениях», отец считал необходимым взять развитие Фридриха под контроль. «Я надеюсь, — писал он одному из родственников 5 октября 1842 г., — что смогу как следует загрузить его работой и, где бы он ни был, буду с величайшей осторожностью незаметно наблюдать за ним, чтобы он не совершал опасных поступков». Сознавая, что «направление, приверженцем которого является Фридрих, в будущем займет повсюду господствующее положение и сейчас уже, кажется, занимает его»², отец все-таки считал увлечения сына лишь данью моде. Видимо, этим и объяснялось его решение вырвать сына из наэлектризованной атмосферы Германии и послать в страну, известную своими традициями житейского практицизма и соблюдения консервативных законов.

Однако дело обстояло сложнее, чем представлял себе Ф. Энгельс-старший. К 1842 г. резко увеличилось число людей, открыто заявлявших о своей приверженности к социалистическому направлению. На страницах прессы давно уже появилось слово «коммунизм», а интерес к нему принял острые формы. Развитие набравшего силу капитализма вызвало заметные изменения в обществе: консолидацию и поляризацию классов буржуазии и пролетариата. Ряд пролетарских выступлений, с каждым годом принимавших все более организованный и сознательный характер, дал основание К. Марксу заявить в октябре того же года, что «сословие, которое в настоящее время не владеет ничем, *требует* доли в богатстве средних классов, — это факт, который... бросается всякому в глаза на улицах Манчестера, Парижа и Лиона»³. Именно этот факт послужил толчком к распространению коммунистических идей, появлению многих статей, корреспонденций, брошюр, книг с социалистическими тенденциями.

Этот поток захватил и Энгельса, которому давно не давали покоя «вопросы века». Не случайно поиск теории, которая позволила бы оплодотворить революционную, политическую практику и в союзе с ней создать орудие для преобразования общества, стремление принять непосредственное участие в выработке такой теории привели Ф. Энгельса весной 1842 г. в редакцию газеты «*Rheinische Zeitung*».

Сотрудничество в ней сыграло важную роль в его развитии. Начавшая выходить с января 1842 г., «*Rheinische Zeitung*» практически с самого начала своего сущест-

¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 2, стр. 9.

² «Научно-информационный бюллетень сектора произведений К. Маркса и Ф. Энгельса ИМЛ при ЦК КПСС», № 19, 1970, стр. 29, 30.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 1, стр. 115.

ования взяла курс на пропаганду идей общественно-экономического прогресса. С приходом к руководству редакцией радикальных младогегельянцев А. Рутенберга, Б. Бауэра и М. Гесса на первый план в газете выступили политические вопросы. Когда же позднее, в октябре, редакцию возглавил К. Маркс, «*Rheinische Zeitung*» стала рупором идей революционной демократии и самым оппозиционным печатным изданием в Пруссии. Но и в первых своих выпусках газета много внимания уделяла социальному вопросу, особенно положению трудящихся в Англии. Острота социальных конфликтов в этой стране приводила некоторых корреспондентов «*Rheinische Zeitung*» к выводу о неизбежности революции. 20 января газета публикует статью Б. Бауэра «О новейших проявлениях английского кризиса». Как своеобразный сигнал прозвучали строки из опубликованной 26 июня 1842 г. статьи Гесса «О предстоящей в Англии катастрофе»: «Безграничная нищета народа в Англии, кажется, раньше, чем ожидается, приведет к катастрофе, последствия которой отзовутся не только в Великобритании, но неотвратимо ударят по всей остальной Европе»; эта нищета «обнаруживает не политическую, а социальную природу», ибо в руках немногих крупных предпринимателей — купцов, фабрикантов и финансистов «сосредоточиваются промышленность, торговля и капитал»; большинство же народа, отмечал он в другой статье («Политические партии в Германии»), находится в угнетенном состоянии. «Вся организация, или скорее дезорганизация, нашей социальной жизни, — заключал автор, — требует реформы».

С 13 сентября газета начала печатать серию статей о положении в Англии одного из учредителей «*Rheinische Zeitung*» — Г. Мевиссена. С 1838 г. он регулярно посещал крупнейшие текстильные центры Англии, изучая в них организацию производства и использование техники, и быстро заметил не только достижения промышленного прогресса, а и концентрацию фабричных пролетариев в промышленных центрах, угнетение бедных богатыми, классовый разрыв между ними. В 1840 г. Мевиссен писал: «Кто с ужасом наблюдал крайности английских промышленных округов, тот, конечно, не позавидует нации, внешнее величие которой приобретено вместе с такой внутренней нищетой и таким распространенным рабством»⁴. Поездка в Англию летом 1842 г. во время знаменитой августовской рабочей стачки произвела на Мевиссена особенно сильное впечатление. Отмечая, что следствием конкуренции является постоянное снижение заработной платы, следовательно, и нищета, ведущая к ожесточенной классовой борьбе, он писал: «В настоящее время... начинаются затруднения со сбытом товаров английской мануфактуры; много рабочих рук не находят более применения, конкуренция со стороны этих безработных снижает заработную плату, а сниженной заработной платы не хватает больше для удовлетворения потребностей рабочего класса. Затем последуют банкротство и обвинение; и если нищета зайдет достаточно далеко, то она, черпая силу в отчаянии, произведет имущественный переворот»⁵.

В «*Rheinische Zeitung*», таким образом, столкнулись две точки зрения на пути разрешения социальных конфликтов. Мевиссен, выражавший мнение буржуазных либералов, полагал, что «разумное государство» сумеет остановить процесс пауперизации и оградить интересы пролетариев, не ущемляя вместе с тем развивавшегося класса буржуазии. Гесс же утверждал, что социальные противоречия невозможно разрешить ни реформами, ни сменой буржуазных правительств. Только коренное изменение имущественных отношений и социальная революция решат проблему. Однако, ставя так вопрос, Гесс не считал неизбежной такую революцию в Германии. Опыт Англии, по его мнению, должен был послужить «предостережением» континентальной Европе. Германия же как обладательница великого философского наследия именно из него должна вывести коммунистические принципы и реализовать их без социальных потрясений.

Это столкновение двух точек зрения не оставило Энгельса равнодушным. Если уже с первых дней пребывания в Англии он уверенно разбирается в существе ее внутренних проблем, то в том ему помогли и сотрудничество в «*Rheinische Zeitung*»,

⁴ J. Hansen. Gustav von Mewissen. Bd. I. В. 1906, S. 176.

⁵ О. Корню. К. Маркс и Ф. Энгельс. Жизнь и деятельность. Т. I. М. 1959, стр. 280.

и изучение несовпадавших позиций ее корреспондентов, и знакомство с литературой, касавшейся английских проблем. Начало первой корреспонденции Энгельса из Лондона свидетельствует о том, что его поездке предшествовала подготовительная работа: «Если погрузиться на некоторое время где-либо в тиши в изучение английских условий, если ясно представить себе слабость фундамента, на котором держится всё искусственное здание социального и политического благополучия Англии, и сразу же после этого попасть в гущу английской жизни, то удивившись, с каким поразительным спокойствием и уверенностью здесь каждый смотрит вперед, в будущее»⁶. Интересу Энгельса к Англии в этом аспекте особенно способствовала его беседа с Гессом, состоявшаяся в редакции «*Rheinische Zeitung*» в начале октября 1842 года. Гесс увидел в Энгельсе потенциального соратника, одного из тех младогегельянцев, которых он хотел привлечь на свою сторону. Вспоминая о встрече с Энгельсом, Гесс писал, что тот ушел от него «самым ревностным коммунистом»⁷.

Роль Гесса в наметившемся повороте Энгельса от революционного демократизма к коммунизму несомненна, но не следует ее переоценивать. Конечно, вторая корреспонденция Энгельса из Лондона не случайно открывалась вопросом: «Возможна ли, более того, вероятна ли революция в Англии?». Гесс утверждал, что она близка. Но он не был в Англии и мог судить об этом только с чужих слов. Мевиссен же предсказывал возможность социального переворота лишь в случае, если правительство не приступит к осуществлению реформ. Таким образом, Энгельсу предстояло самому разобраться, действительно ли положение в Англии чревато революцией, и определить свое отношение к ней. Уже первые его корреспонденции показывают, как пристально наблюдал он за жизнью и борьбой различных классов и представлявших их на политической арене партий, как пытался понять их позиции и сущность отстаиваемых ими интересов. Поначалу его представления во многом определялись той информацией и теми мнениями, которые он усвоил еще в Германии. Вслед за Гессом Энгельс утверждал, что английское государство «по уши увязло в средневековье» (что в общем-то было справедливо), и вторил Мевиссену, заявляя о потере Англией континентальных рынков и вытеснении английской промышленности немецкой и французской, хотя отступление самой могущественной промышленной державы в Европе было тогда еще делом довольно далеким.

Исполненный нетерпеливого ожидания, предощущения близости социальной революции, которая неизбежно повлияет и на другие государства Европы, включая Германию, 22-летний демократ столкнулся с неколебимой уверенностью правящей верхушки англичан в мирном, ненасильственном развитии их страны. Поначалу это его озадачивало. Затем он отыскал ошибку в рассуждениях «закоснелого британца»: тот стоял на «национально-английской точке зрения непосредственной практики, материальных интересов», упуская из виду «побуждающую к движению мысль»; между тем понятно, «что так называемые материальные интересы никогда не могут выступить в истории в качестве самостоятельных, руководящих целей, но что они всегда, сознательно или бессознательно, служат принципу, направляющему нити исторического прогресса»; если рассматривать развитие Англии с этой, гегелевской точки зрения, то нельзя не признать, что это государство «по своей политической исключительности и замкнутости в конце концов отстало на несколько столетий от континента»⁸. Далее Энгельс обнаружил, что английские учреждения не соответствуют ушедшему вперед духовному развитию нации. Палата общин представляла собой чуждую народу корпорацию, избранную с помощью сплошного подкупа и попиравшую волю народа, а общественное мнение в главных вопросах не оказывало влияния на правительство. В споре Энгельса с «закоснелым англичанином», перенесенном с национально-английской точки зрения «непосредственной практики, материальных интересов» в область принципов, определяющих ход истории, нельзя отрицать эти факты. А раз так, то «может ли такое положение вещей удержаться надолго?».

Итак, исходя из гегелевского «принципа, направляющего нити исторического прогресса», Энгельс утвердительно отвечал на вопрос о вероятности революции в

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 1, стр. 496.

⁷ M. Hess. Briefwechsel. s'Gravenhage. 1964, S. 103.

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 1, стр. 498—499.

Англии. Но он не был бы диалектиком, оставив без внимания другую сторону проблемы: «В Англии... не знают никакой борьбы принципов, знают только конфликты материальных интересов. Следовательно, было бы справедливым и этой стороне дела воздать должное»⁹. Англия представляла собой промышленное государство. Значит, для охраны источников своего богатства она должна ограждать себя запретительными пошлинами от промышленных продуктов других стран. Вследствие вызванного этим роста цен на собственные изделия она вынуждена и дальше непрерывно повышать пошлины, чтобы устранить заграничную конкуренцию. А с этим не могут примириться ни другие страны, ни английские потребители. Утрата рынков сбыта в результате развития промышленного производства в других странах, в частности во Франции и Германии, вынуждала Англию ограничить развитие своей промышленности. Это, однако, малоосуществимо, ибо промышленность, хотя и обогащает страну, создает также стремительно растущий класс немущих. «Малейший застой в торговле лишает хлеба значительную часть этого класса, большой торговый кризис — весь класс. Когда создается такое положение, что еще остается этим людям, как не восставать? А по своей численности этот класс стал самым могущественным в Англии, и горе английским богачам, когда он осознает это»¹⁰.

Характерно, что уже во второй корреспонденции из Англии Энгельс продемонстрировал самостоятельный подход к оценке августовской стачки 1842 г., ее положительных и отрицательных сторон. Если, по мнению либералов типа Мевиссена, «английский народ в действительности еще не созрел для революции», а почтение к закону оказалось так велико, что «несколько сотен солдат хватало, чтобы сдерживать и умирять огромные толпы»¹¹, то взгляд Энгельса оказался более проницательным. Да, во время стачки «достаточно было незначительной военной и полицейской силы, чтобы удержать народ в повиновении». Но не традиционное почтение англичан к закону оказалось тому причиной. Нерешительность рабочих вызывалась тем, что движение было не подготовлено, плохо организовано и не связано единством цели, характера и способа действий. Только-только приехав в Англию и зная об августовской стачке по газетным материалам и рассказам очевидцев, Энгельс еще не мог представить себе ни истинной силы выступления, ни действительных возможностей рабочего класса страны. Какой же в таком случае была его революционная интуиция, если он сразу верно определил причины поражения стачечников и сумел предсказать пролетариату роль самого могущественного класса, когда тот осознает собственную мощь!

Рабочая революция показалась Энгельсу неизбежной, ибо политическое развитие страны пришло в конфликт с духовным, и «только насильственное ниспровержение существующих противозаконных отношений, радикальное свержение дворянской и промышленной аристократии может улучшить материальное положение пролетариев». Интересно проследить, насколько последовательно Энгельс освобождался от пут идеалистического понимания истории. Определив позиции классов и партий в Англии в их отношении к революции, он увидел, что основной движущей силой в назревшем преобразовании общества будет именно пролетариат. Пока что им руководят в основном отчаяние, страх перед нищетой и голодной смертью. Вот почему, «как во всем, что происходит в Англии, эта революция будет начата и проведена ради интересов, а не ради принципов: лишь из интересов могут развиваться принципы, т. е. революция будет не политической, а социальной»¹². Оставаясь пока младегегельянцем, увлеченным «принципом свободы», Энгельс стал задумываться над тем, почему же определяющими оказались материальные интересы. Развитие Англии явно обуславливалось столкновением классовых позиций аристократии, буржуазии и пролетариев. Может быть, это тоже пережитки? Или борьба пролетариата за улучшение своего положения должна вызвать и духовное освобождение, реализацию «принципа свободы»?

Энгельс пристально наблюдал за движением трудящихся, и симпатии его были на стороне борющихся. Он уже видел могущество этого класса и понимал, что дейст-

⁹ Там же, стр. 499.

¹⁰ Там же, стр. 501—502.

¹¹ J. H a n s e n. Op. cit., S. 265—266.

¹² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 1, стр. 503.

вительную способность к преобразованию общества немущие обретут лишь тогда, когда сами поймут свои возможности. Излюбленная мысль Энгельса о слиянии философии и политики, идеи и практики приобрела новый оттенок. Стихийность и неорганизованность рабочего движения, основным побудительным мотивом которого являлись отчаяние и страх голодной смерти, должны будут смениться осознанием классовой силы, классовых целей и задач.

Понимание этого обстоятельства резко выделило Энгельса из рядов тех, кто, предсказывая социальную революцию в Англии, представлял ее как некую катастрофу, разрушительный взрыв, совершаемый доведенными до отчаяния людьми. В отличие от них Энгельс увидел в рабочем классе силу, способную к обновлению старого общества, а в социальной революции — такое событие, которое приведет к ликвидации прогнившего строя, к замене существующего государства другим. Так Энгельс подходил к пониманию необходимости слияния практики рабочего движения с революционной теорией. А через год Маркс, увидевший в тогда еще неразвитом немецком пролетариате ведущую революционную силу общества, четко сформулировал эту мысль: «Подобно тому как философия находит в пролетариате свое *материальное* оружие, так и пролетариат находит в философии свое *духовное* оружие»¹³. Энгельс же, столкнувшийся в Англии с более развитым, чем в Германии, рабочим движением, в первых же своих корреспонденциях обратил внимание на данную проблему, а позднее, обосновавшись в Манчестере и завязав отношения с чартистами и социалистами-оуэнистами, принял активное участие в ее разрешении. Об этом свидетельствует его публицистика. Новый ее этап открывают «Письма из Лондона».

Когда к концу 1842 г. стало ясно, что вследствие репрессивных мер со стороны прусского правительства судьба «*Rheinische Zeitung*» предрешена и вскоре она прекратит свое существование, Ф. Энгельс перестал посылать корреспонденции в Германию. Чтобы успешно вести коммунистическую пропаганду и выступать с нею в печати, он считал необходимым полнее ознакомиться с положением Англии, вжиться в ее проблемы и понять, в какой связи находятся они с проблемами, характерными для Европейского континента: наконец, установить контакты с ведущими деятелями рабочего движения и органами прессы. Предоставившуюся ему возможность он использовал весьма интенсивно. Полгода, отделяющие последнюю его публикацию в «*Rheinische Zeitung*» от «Писем из Лондона», были заполнены изучением экономического и политического положения страны, чартистского и оуэнистского движения, непосредственным наблюдением жизни рабочего класса, чтением экономической и социалистической литературы. Манчестер, где он жил, представлял собой для этого удобное место, являясь крупнейшим центром капиталистической фабричной системы, городом резких социальных контрастов. За 20 месяцев пребывания в нем Энгельс узнал его, пожалуй, лучше, чем даже большинство местных жителей. Недаром все свое время отдавал он изучению положения рабочего класса.

Когда в конце 1842 г. Энгельс только приехал в Манчестер, он «застал еще повсюду толпы безработных на перекрестках, и многие фабрики еще стояли»¹⁴. Это был отзвук августовской стачки. А в мае 1843 г. он стал очевидцем яростной классовой схватки на кирпичном заводе, когда в сражении с регулярными войсками рабочие проявили редкостное мужество и самообладание, доказав, что они «обладают революционной отвагой и не боятся пуль»¹⁵. Близкое знакомство с классом, который, несмотря на ужасающие условия существования, сумел сохранить мужество, достоинство и готовность к бескомпромиссной борьбе за лучшую жизнь, окончательно поставило молодого революционера на его сторону.

В «Письмах из Лондона», опубликованных в журнале «*Schweizerischer Republikaner*» в мае — июне 1843 г., он, отметив быстрые успехи демократической партии в Англии и внедрение «презираемого и осмеиваемого» социализма в общественное мнение, подчеркнул, что пролетариат является источником силы как чартизма, так и социализма. И Энгельс сформулировал следующий вывод: «Чем ниже стоит класс в обществе, чем он «необразованнее» в обычном смысле слова, тем он прогрессивнее,

¹³ Там же, стр. 428.

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 2, стр. 323, 324.

¹⁵ Там же, стр. 450.

тем большую будущность он имеет». Относя этот вывод пока только к Англии (ведь в Германии, напротив, согласно его тогдашнему мнению, «движение исходит от класса людей, не только образованных, но даже ученых»), Энгельс тем не менее сразу же отметил: «В общем такое положение характерно для всякой революционной эпохи»¹⁶. Таков очередной шаг на пути преодоления им идеализма.

Правда, пока Энгельс еще далек от понимания того, что данное явление связано с экономическим развитием вообще; что и в Германии, страдавшей не столько от развития капитализма, сколько от недостаточного его развития, буржуазия в лице ее радикальных представителей выглядит революционной, так как еще не конституировала себя в качестве господствующего класса. В Англии же промышленная буржуазия, добившаяся в 1832 г. с помощью рабочего класса доступа в парламент, окончательно утратила всякую революционность, что вскоре отразилось и в научной литературе. С возмущением Энгельс писал: «На континенте не могут даже представить себе, каково качество трудов лучших английских теологов и отчасти даже лучших английских естествоиспытателей, как низкопробны реакционные произведения, названия которых в изобилии публикуются в еженедельных «Списках новых книг»... Повсюду — непоследовательность и лицемерие, между тем как убедительные экономические трактаты социалистов и отчасти также чартистов с презрением отбрасываются и только среди низших сословий находят себе читателей»¹⁷.

Увиденное привело Энгельса к переоценке роли «образованных» классов в революции, к пониманию истинных причин революционности того или иного класса в различные эпохи, к материалистическому постижению истории. Предрекая нищим в «Письмах» не только царствие небесное, но «рано или поздно также царство мира сего», он учитывал громадную жажду знаний, обнаруженную им в среде рабочих, их разум, не скованный религиозным ханжеством и опирающийся на опыт, их стремление построить новый мир, основанный на принципах равенства и справедливости.

В это же время Энгельс познакомился в Лондоне с руководителями «Союза справедливых» — тайной организации немецких рабочих-коммунистов — наборщиком Карлом Шаппером, сапожником Генрихом Бауэром и часовщиком Иосифом Моллем. Участники бланкистского восстания 1839 г. в Париже, они импонировали активной революционной натуре Энгельса. Но он ответил отказом на их предложение вступить в Союз. Убедившись, какую силу имеет открытое массовое выступление рабочих, и веря, что именно пролетариату, если придать ему целеустремленность и организованность, предстоит играть роль решающей революционной силы, Энгельс не одобрял заговорческих методов Союза. Кроме того, в то время он находился еще под влиянием утопически-гуманистического «философского» коммунизма Гесса. Что различные социалистические и коммунистические учения возникают как следствие соответствующего социально-экономического развития, ему еще предстояло понять. «Мы, немецкие теоретики, — писал он позднее, — еще слишком мало знали действительный мир, чтобы действительные отношения могли непосредственно пробудить в нас стремление к преобразованию этой «дурной действительности»¹⁸.

Следующей большой публицистической работой Энгельса была статья «Успехи движения за социальное преобразование на континенте», опубликованная оуэнистским еженедельником «The New Moral World» в ноябре 1843 года. Главным побудительным мотивом к работе над ней было стремление помочь английским социалистам и чартистам преодолеть их «островную ограниченность». Знакомство с Дж. Личем, Р. Оуэном, Дж. Уотсом и другими лидерами чартистов и оуэнистов, посещение их митингов и диспутов открыло Энгельсу, что они не только мало знают о социальном движении, развертывающемся на континенте, но и многие их слабости и заблуждения объясняются этим незнанием и связанным с ним непониманием общности целей и задач того и другого движения. Статья открывалась выводом, сделанным Энгельсом на основе изучения социалистического движения в различных странах Европы: независимо друг от друга передовые люди Франции, Англии и Германии «пришли к заключению, что радикальная революция в общественном устройстве, имеющая своей осно-

¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 1, стр. 513.

¹⁷ Там же.

¹⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 2, стр. 229.

вой коллективную собственность, стала теперь настоящей и неотвратимой необходимостью... Факт этот неопровержимо доказывает, что коммунизм — не следствие особого положения английской или какой-либо другой нации, а необходимый вывод, неизбежно вытекающий из предпосылок, заложенных в общих условиях современной цивилизации»¹⁹.

В первой части статьи, посвященной французскому коммунизму, Энгельс подробно разобрал учение А. Сен-Симона, Ш. Фурье и Э. Кабе. Очевидные симпатии Энгельса к фурьеризму определялись тем, что у Фурье он нашел «научное изыскание, трезвое, свободное от предрассудков, систематическое мышление», ту социальную философию, важнейшей частью которой была теория о свободном труде. Поскольку Фурье доказал необходимость ассоциации как формы организации труда, Энгельс специально подчеркнул, что фурьеризм заслуживает внимания английских социалистов. Но симпатии к Фурье не скрыли от Энгельса одного из основных недостатков фурьеризма, который «не отменяет частной собственности»²⁰. Критика экономических принципов сен-симонизма и фурьеризма, содержащаяся в статье «Успехи движения...», свидетельствовала о том, что Энгельс продвинулся вперед в изучении политэкономии, к которому приступил, вероятно, под влиянием Дж. Уотса. Не случайно он высказывал желание увидеть переведенной на английский язык вышедшую в 1840 г. книгу П. Ж. Прудона «Что такое собственность?». Утверждение Прудона, что собственность — это кража, перекликалось с основной мыслью Уотса, проводившейся им в брошюре «Факты и вымыслы экономистов».

Энгельс хотел показать своим новым английским друзьям, что социалистическая мысль на континенте развивается в том же направлении и островная замкнутость отнюдь не способствует прогрессу в области теоретических исканий. Ведь нередко английские социалисты, не зная о достижениях европейской общественной мысли, не шли дальше, а открывали уже добытые ранее истины. В то же время анализ сен-симонизма, фурьеризма, кабетизма позволял оуэнистам и чартистам лучше разобраться в собственных ошибках и в принципах, уже прошедших теоретическую и практическую проверку на континенте.

Для статьи «Успехи движения...» характерно также, что Энгельс подошел здесь к определению причин, способствовавших возникновению и широкому распространению коммунистических идей, к вопросу о непосредственной связи между положением рабочего класса и развитием социальных учений. Он близок к этому, когда говорит, что после революции 1830 г. во Франции ее плодами воспользовалась одна буржуазия, оттеснившая рабочих, и те поняли, что никакими политическими изменениями нельзя улучшить их социальное положение — причину их политического недовольства; он близок к этому и тогда, когда утверждает, что коммунизм быстро распространился в Париже, Лионе, Тулузе и других крупных городах и промышленных центрах Франции. Но эти факты еще не связывались им как причина и следствие. По его мнению, «движение за социальное преобразование имеет во Франции политическое происхождение», а коммунистическая система призвана на помощь демократии, поскольку той не удалось осуществить подлинное равенство.

Выводя французский коммунизм из неудовлетворенности буржуазной демократией, ее формальным равенством и противопоставляя ей демократию истинную, Энгельс приближался к пониманию классового характера демократии, к пониманию того, что коммунизм родился как мировоззрение антагонистического буржуазии класса — пролетариата, призванного заменить демократию буржуазную демократией пролетарской, социалистической. Для него уже не являлось секретом «закрепленное в конституции и в законах Франции угнетение бедного богатым, угнетение, поддерживаемое насилием»²¹; но понадобится еще время, чтобы он сказал, что в этом-то и заключается сущность буржуазной демократии и что коммунизм противопоставляет ей действительно, подлинное равенство — демократию трудящихся.

В статье Энгельса примечательно также, что и во Франции, и в Германии он видел и анализировал два вида коммунизма — образованных классов и пролетарский.

¹⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 1, стр. 525.

²⁰ Там же, стр. 528, 529.

²¹ Там же, стр. 530, 531.

Аналогию этому в какой-то степени он наблюдал и в Англии с ее чартизмом и оуэнизмом. Но если в Англии Энгельс заметил, что и чартизм, и социализм питаются из одного источника, то для Франции и Германии эта закономерность ему не была еще ясна. Ему казалось, что социальное движение на его родине исходит прежде всего от образованных классов и что «партия, стремящаяся к уничтожению частной собственности, состоит преимущественно из людей, которые сами являются собственниками». Он объяснял это пристрастием немцев к абстрактным принципам, их пренебрежением к действительности и практическим интересам, столь милым английскому сердцу. На деле же это объяснялось тем, что революционность немецкой буржуазии в то время еще не умерла, поскольку перед ней стояла задача преодоления полуфеодалных отношений в стране. В отличие от Англии, где именно борьбой интересов определялись позиции классов и партий, в Германии, подчеркивал Энгельс, когда «принцип приходит в столкновение с интересами, принцип почти всегда укрощает притязания интересов». Тем самым Энгельс обнаруживал, что экономическая основа идеологических явлений ему еще не была вполне ясна, а торжество материальных интересов он считал чисто английской чертой. Вместе с тем заключительные строки статьи приводят к выводу, что Энгельс уже склонялся к материализму, к убеждению, что философские принципы должны связываться с практикой, с фактами современного им общественного строя. Здесь, отмечал он, «английские социалисты нас намного опередили, и нам после них весьма мало осталось сделать в этой области»²².

Значение статьи «Успехи движения за социальное преобразование на континенте» состоит, таким образом, в том, что в ней Энгельс впервые открыто выступил как сторонник коммунистического учения, в котором увидел выражение интересов рабочих. Если в предыдущих корреспонденциях из Англии он связывал предстоящую революцию с особенностями исторического развития страны, то теперь отмечал «настоятельную и неотвратимую необходимость» такой революции для трех крупнейших стран Западной Европы, формулируя задачу революционного коммунистического преобразования как интернациональную: «Коммунизм не следствие особого положения английской или какой-либо другой нации»; он заложен «в общих условиях современной цивилизации». А когда Энгельс говорил о различии путей, которыми пришли к коммунизму передовые люди Англии, Франции и Германии, он приближался к пониманию того, что коммунистическое учение вырастает из экономического, политического и духовного развития ведущих европейских стран, причем уже тогда высоко оценивал как один из теоретических источников научного коммунистического мировоззрения — классическую немецкую философию.

Это первое выступление Энгельса в оуэнистском органе имело очевидный успех. И в ноябре 1843 г. данная статья в несколько сокращенном виде была перепечатана чартистской газетой. В конце 1843 г. Энгельс заехал в Лидс, где располагалась редакция центрального чартистского органа, и познакомился там с его редактором Дж. Гарни. Видимо, их встреча решила вопрос о регулярном сотрудничестве Энгельса в «Northern Star». Оно началось, как теперь установлено, не с сентября 1845 г., а с мая 1844 г., когда в редакционной статье «Движение в стране и за границей» было опубликовано письмо Энгельса с предложением посылать «корреспонденции, освещающие успехи партии движения на континенте, выдержки из немецких газет и из собственной переписки с хорошо осведомленными лицами в Париже и в Германии»²³.

Так в «Northern Star» появился ряд корреспонденций, разных по объему и характеру материала, но объединенных общей тематикой, — рабочее, демократическое и социалистическое движение в Пруссии, Швейцарии и России и критика реакционной политики их правительств. Тенденции статей во многом определялись воззрениями Энгельса, выраженными в его материалах, написанных для «Deutsch-Französische Jahrbücher» еще в конце 1843 — марте 1844 года. Статьи эти подвели итог предыдущему периоду формирования мировоззрения Энгельса и зафиксировали его окончательный и полный переход от идеализма к материализму и от революционного демократизма к коммунизму.

²² Там же, стр. 540, 541.

²³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 42, стр. 182.

Наиболее значительной статьей Энгельса, написанной им для «Deutsch-Französische Jahrbücher», являются «Наброски к критике политической экономии», оцененные впоследствии Марксом как первый гениальный эскиз политической экономии пролетариата. В этой работе Энгельс впервые применил гегелевский диалектический метод к анализу экономических категорий и рассмотрел основные явления современного ему экономического порядка как необходимые последствия господства частной собственности²⁴. Критикуя буржуазную экономическую науку, он указал, что при нынешнем положении вещей ее «следовало бы называть *частнохозяйственной* экономией, ибо для нее общественные отношения существуют лишь ради частной собственности»²⁵. Частная собственность определяла характер существовавших общественных отношений, а экономическая наука была тесно связана с интересами класса капиталистов.

Проследивая развитие политической экономии, Энгельс пользовался уже материалистической методологией. Это развитие, по его мнению, определялось не «самостоятельными» политэкономическими законами, как утверждали буржуазные историки экономической мысли, а развитием торговли, частной собственности. Результатом промышленной революции в Англии было появление системы политической экономии А. Смита и Д. Рикардо. Однако, ставя в заслугу либеральной политической экономии разработку законов частной собственности, Энгельс подчеркнул ограниченность новой системы в сравнении с меркантилистской, ибо первой «не приходило в голову поставить вопрос о *правомерности частной собственности*», да к тому же и законы последней были «не развиты до последних выводов и не выражены ясно». Диалектика, ставшая для Энгельса методом исследования социально-экономических проблем, помогла ему обнаружить у классиков буржуазной политэкономии Смита и Рикардо нерешительность, половинчатость выводов. Экономисты же новейшего времени, отмечал Энгельс, окончательно запутались в противоречиях.

«Наброски» показали, что Энгельс приблизился к пониманию подлинных причин вырождения буржуазной политэкономической науки, превращения ее в вульгарную апологию капиталистического строя. Внимательное изучение английских социально-экономических отношений, движения рабочего класса, чартистской и социалистической литературы привело его к выводу о способности противников частной собственности правильно решать экономические вопросы. Однако оуэнисты, проповедовавшие коллективную собственность на средства производства, не умели еще теоретически доказать неизбежность и необходимость уничтожения частной собственности. Энгельс, резко выступивший против ограниченности буржуазной политэкономии и неисторичности рассмотрения ею частной собственности, дал тогда такое обоснование, фактически уже с историко-материалистических позиций: «Вытекающий из частной собственности раскол между капиталом и трудом есть не что иное, как этому раздвоенному состоянию соответствующее и из него вытекающее раздвоение труда в себе самом»; этот раскол завершается расколом «человечества на капиталистов и рабочих», «который обостряется с каждым днем и ...должен постоянно усиливаться».

Анализируя закон конкуренции, Энгельс подчеркнул, что закон этот ведет к революции, ибо порождаемая им и частной собственностью социальная противоположность может быть ликвидирована только при сознательной, плановой организации производства. «Но до тех пор, пока вы продолжаете производство нынешним несознательным, бессмысленным, предоставленным господству случая способом, до тех пор останутся и торговые кризисы; и каждый последующий кризис должен быть универсальнее, следовательно — тяжелее предыдущего, должен разорять большее число мелких капиталистов и увеличивать в возрастающей прогрессии численность класса, живущего только трудом; должен, следовательно, заметно увеличивать массу людей, нуждающихся в получении работы... и, наконец, все это должно вызвать такую социальную революцию, какая и не снится школьной мудрости экономистов»²⁶.

Энгельс ясно видит и предрекает судьбу мелких производителей. Критика капиталистической собственности и вызываемых ею социальных противоречий ведется им

²⁴ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 2, стр. 10.

²⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 1, стр. 548.

²⁶ Там же, стр. 545, 547, 557, 558, 561.

с позиций пролетариата. Энгельс оказался проникательнее Прудона и его английских последователей, включая Уотса, противопоставив их утопическим надеждам искусственно сдержат процесс централизации и монополизации производства и капитала неумолимый закон конкуренции. Действие внутренние присущих развитию частной собственности законов, писал он, невозможно остановить никакими реформами. Этого можно добиться лишь «путем уничтожения частной собственности, конкуренции и противоположности интересов»²⁷. Средством устранения противоречий, порождаемых частной собственностью, он считал социальную революцию. Очерк, написанный Энгельсом, явился, следовательно, первой в истории попыткой экономически обосновать неизбежность такой революции. Эти его выводы положили начало разработке пролетарской политэкономии, и Энгельс позднее с полным основанием мог гордиться «этой своей первой работой в области общественных наук»²⁸.

Статья цикла «Положение Англии», первая из которых была опубликована в «Deutsch-Französische Jahrbücher», а две следующие — в выходившей в Париже газете «Vorwärts» осенью 1844 г., интересны тем, что в них явно прослеживается процесс формирования у Энгельса материалистического взгляда на исторический процесс и начало сознательной критики им идеалистической его трактовки.

Первая статья была рецензией на вышедшую в 1843 г. книгу Т. Карлейля «Прошлое и настоящее». Ее автор глубже других английских буржуа понял причины социального неустройства²⁹. Однако, поднявшись до критики пороков капиталистического строя и буржуазного либерализма, Карлейль в бунтующем, революционном пролетариате видел только мятежную стихию, движимую голодом и отчаянием. Она внушала ему страх, смешанный с сочувствием к страданиям и лишениям низов, но не более того. Этот страх побудил Карлейля выступить с требованием устранения нищеты. Не будучи ни революционером, ни реформатором, Карлейль мечтал о здоровых, довольных и послушных рабочих, заинтересованных в предприятии, руководимом и управляемом не бандой промышленных пиратов — пожирателей прибыли, а «капитанами промышленности», которые в ее процветании видят свой социальный долг и гуманно относятся к рабочим. Энгельс оценивал роль рабочего класса иначе. В нем он видел творческую силу, способную преобразовать общество: «Лишь неизвестная континенту часть английской нации, лишь рабочие, парии Англии, бедняки действительно достойны уважения... От них-то и придет спасение Англии... у них нет образования, но нет и предрассудков, у них есть еще силы для великого национального дела, у них есть еще будущее». Глухие же к прогрессу образованные классы Англии если и приходят в движение, то «лишь под натиском рабочего класса»³⁰.

Соглашаясь с обличительной характеристикой английских порядков, данной Карлейлем, одобряя его критику земельной аристократии и буржуазии, продажного парламента и «бездуховности» века, Энгельс решительно отверг тот идеал будущего, который Карлейль противопоставлял современному миру. Идеалистическому, даже мистическому толкованию исторического процесса противостояла здесь материалистическая концепция, понимание истории не как «божественного откровения», а как результата человеческой деятельности. Жалуясь на суетность и пустоту века, на внутреннюю гнилостность социальных установлений, Карлейль не понимал, что в основе этих явлений лежит не безбожие, а как раз религия, так как она принуждает человека к отчуждению своей сущности; в противовес культу денег и наживы, вытеснившего религиозность средних веков, надо создать, как считал этот английский социолог, новую религию, пантеистический культ героев («истинной аристократии») и культ труда. Нет, возражал Энгельс, возможности религии исчерпаны, возврат к ней и к идеализму как источнику истинной веры невозможен. Ведя борьбу не на жизнь, а на смерть против несостоятельности, внутренней пустоты, духовной смерти, неискренности века, мы имеем гораздо больше шансов на успех, чем он (Карлейль. — В. С.), потому что знаем, чего хотим. «Мы хотим покончить с таким атеизмом, каким его изо-

²⁷ Там же, стр. 567.

²⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 36, стр. 148.

²⁹ Подробнее о взглядах Карлейля и его памфлете «Прошлое и настоящее» см.: М. В. Серебряков. Фридрих Энгельс в молодости. Л. 1958, стр. 256—266.

³⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 1, стр. 574, 575.

бражает Карлейль, мы хотим возратить человеку содержание, которого он лишился благодаря религии, — не какое-то божественное, но человеческое содержание, и это возвращение сводится просто к пробуждению самосознания».

Подобно Марксу, Энгельс в отличие от Л. Фейербаха придавал огромное значение человеческой деятельности. «Мы требуем, — заявлял он, — чтобы истории было возвращено ее содержание, но в истории мы видим откровение не «бога», а человека, и только человека»³¹. Энгельс соглашался с Карлейлем в том, что господство денег, буржуазного утилитаризма уродует и дезорганизует труд, истинную сущность человека. Но если Карлейль вслед за Л. Бланом и другими социальными реформистами полагал, что многое может изменить «организация труда», то Энгельс считал невозможным ее осуществление «без известного тождества интересов»: «Почему бы не быть до конца последовательным, не провозгласить тождество интересов единственно достойным человечества состоянием и тем положить конец всем трудностям, всей неопределенности и неясности?»³².

В следующей статье — «Положение Англии. Восемнадцатый век» Энгельс проанализировал проблему «интереса». Ее рассмотрение позволяет уяснить, что понимал он под «тождеством интересов»: «Политическая реформация впервые провозгласила, что человечество должно впредь объединяться не принуждением, т. е. политическими средствами, а интересами, т. е. средствами социальными... Возведение интереса в связующее начало человечества необходимо влечет за собой... всеобщую раздробленность, сосредоточение индивидов на самих себе, изолированность, превращение человечества в скопление взаимно отталкивающихся атомов... Далее, пока продолжает существовать основная форма отчуждения, частная собственность, до тех пор интерес необходимо должен быть частным интересом и его господство должно проявляться как господство собственности». Вот в чем суть дела: господство частной собственности необходимо делает интерес (Энгельс имел в виду материальный интерес) частным, эгоистическим, разъединяющим людей. Объединить их, добиться общности («тождества») интересов нельзя без ликвидации частной собственности.

И Энгельс резюмировал: «Разложение человечества на массу изолированных, взаимно отталкивающихся атомов есть уже само по себе уничтожение всех корпоративных, национальных и вообще особых интересов и последняя необходимая ступень к свободному самообъединению человечества. Завершение отчуждения человека в господстве денег есть неизбежный переход к ныне уже близкому моменту, когда человек вновь должен обрести самого себя»³³. Опираясь на диалектический закон отрицания отрицания, Энгельс предвидел, что господство частной собственности несет в самом себе свою гибель. Новый порядок будет построен свободным, осознавшим себя, творческим человеком. Надежды на рождение человека такого типа Энгельс связывал с рабочим классом, свободным от религиозных и кастовых предрассудков, от господства частнособственнических интересов, с классом, постепенно осознававшим свою силу и творческие возможности.

Статья «Положение Англии. Восемнадцатый век» интересна также тем, что в ней Энгельс, рассматривая историческое развитие страны с материалистических позиций, впервые вскрыл связь между промышленной революцией и социальными переменами, указав на зависимость сложившейся в Англии политической структуры от экономического развития. Уяснив, что «революционизирование английской промышленности — основа всех современных английских отношений, движущая сила всего социального развития», Энгельс подошел к пониманию всеобщности этой исторической закономерности. Если до сих пор, писал он, только Англия имела «социальную историю» (то есть историю, определяющуюся господством материальных интересов), то теперь «французы и немцы также постепенно приходят к социальной истории»³⁴. В Английской буржуазной революции середины XVII в. Энгельс увидел прообраз Французской буржуазной революции конца XVIII в., сделав еще один шаг к историко-материалистической концепции. Сформированные промышленной революцией, на историческую аре-

³¹ Там же, стр. 591—592.

³² Там же, стр. 595.

³³ Там же, стр. 604—605.

³⁴ Там же, стр. 603.

ну вышли два новых противостоящих друг другу класса — пролетариат и буржуазия. Английская действительность убедила Энгельса в том, что именно борьбой этих классов и определяются главным образом социально-политические перемены в современном ему обществе.

Ближайшим будущим Англии, указывал Энгельс в последней статье цикла, посвященной английской конституции, будет «такая демократия, противоположностью которой является буржуазия и собственность». Все предшествующее развитие Англии показывает, что при господстве собственности, когда бедняк угнетен и бесправен, борьба демократии против аристократии становится борьбой бедных против богатых. А эта борьба не может завершиться установлением простой демократии, неспособной исцелить социальные недуги. Хотя Энгельс еще не употреблял термина «буржуазная демократия» и не подчеркивал ее классового характера, заключительные строки свидетельствовали, что он уже разглядел классовую природу этого политического института. В обществе, где господствует частная собственность, где людей разбегают частные, эгоистические интересы и идет беспощадная борьба одних против других, не может быть общего равенства. «Демократическое равенство есть химера, борьба бедных против богатых не может быть завершена на почве демократии или политики вообще. И эта ступень есть, следовательно, только переход, последнее чисто политическое средство, которое еще следует испытать и из которого тотчас же должен развиваться новый элемент, принцип, выходящий за пределы существующей политики. Этот принцип есть принцип социализма»³⁵.

Энгельс, таким образом, объявил себя противником частной собственности и буржуазного государства как политической формы ее господства, то есть буржуазной демократии. Он выступил уже как коммунист, чьи симпатии были на стороне рабочего класса, и именно с его борьбой связывал он полное освобождение человека. Вплотную приблизившись к пониманию роли экономического фактора в историческом развитии и рассматривая его уже с материалистических позиций, Энгельс к концу своего первого пребывания в Англии преодолел ограниченность тех более ранних выводов, которые он делал из анализа социально-экономической действительности этой страны. В нищете и бедности английского рабочего класса он разглядел «всемирно-историческое значение» этого факта³⁶.

А корреспонденции Энгельса в чартистскую «The Northern Star» (в частности, опубликованные в июне 1844 г. «Новости из Пруссии. — Волнения в Силезии» и «Дальнейшие подробности о волнениях в Силезии») свидетельствовали о неслучайности сделанного им вывода. Описывая рабочие волнения в промышленных районах Силезии, Энгельс отмечал, что «рабочее население данной местности, целиком зависящее от производства льняных тканей и испытывающее тяжелую нужду, так как оно не в состоянии выдержать конкуренцию изделий английской машинной промышленности, с некоторого времени оказалось в положении, подобном положению английских ручных ткачей». Тяжелые условия жизни вынудили рабочих восстать. «Таким образом, становится очевидным, что последствия фабричной системы, прогресса машинной техники и т. д. для рабочего класса на континенте совершенно те же самые, что и в Англии: угнетение и изнурительный труд — для большинства, богатство и благополучие — для немногих; неуверенность в завтрашнем дне, недовольство и возмущение имеют место и на холмах Силезии точно так же, как в перенаселенных городах Ланкашира и Йоркшира»³⁷. Сообщая во второй корреспонденции о подробностях этих волнений, Энгельс сопоставил положение силезских и английских ткачей и отметил, что конкуренция английских изделий, имеющих преимущество благодаря более совершенным ткацким машинам и низкой заработной плате на английских фабриках, способствует понижению заработной платы у силезских ткачей. «Короче говоря, именно фабричная система со всеми ее последствиями угнетает силезских ткачей так же, как она угнетала и теперь угнетает фабричных рабочих и ручных ткачей Англии»³⁸.

³⁵ Там же, стр. 642.

³⁶ Там же, стр. 603.

³⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 42, стр. 201.

³⁸ Там же, стр. 204.

Такого рода наблюдения вели Энгельса к пониманию общих закономерностей промышленного и социального развития, к пониманию всемирно-исторической роли рабочего класса. В «Критических заметках к статье «Пруссак» «Король прусский и социальная реформа», опубликованных в газете «Vorwärts», Маркс, сравнивая английское, французское и немецкое рабочее движение, подчеркивал противостояние пролетариата «обществу частной собственности»³⁹. Энгельс в корреспонденциях в «The Northern Star», подмечая, что и силезское восстание, и стачки горняков в Рив-де-Жье близ Лиона протекали в основном в тех же формах, что и английские стачки⁴⁰, также прокладывал путь к постижению всеобщего характера борьбы между трудом и капиталом. Вот почему вторая встреча Маркса и Энгельса, состоявшаяся в Париже в августе 1844 г., выявила уже полное их единство во взглядах на коренные вопросы теории и практики революционной борьбы. С того времени начались их беспримерная дружба и совместная работа. Их первым результатом явилось написание книги «Святое семейство», в которой Энгельс изложил некоторые из своих важнейших наблюдений и выводов, развитых затем в книге «Положение рабочего класса в Англии».

Таким образом, публицистика Энгельса периода первого его пребывания в Англии свидетельствует о начале выработки им принципиально нового мировоззрения — научного коммунизма. Статьи «Наброски к критике политической экономии» и цикла «Положение Англии» содержат отправные теоретические положения этого мировоззрения. Энгельс осознал всемирно-историческую роль пролетариата и необходимость прочного союза передовой философской теории с рабочим движением. Для выработки научной теории пролетарской революции и классовой борьбы произведенный Энгельсом анализ социально-экономического положения Англии и рабочего движения в ней оказался важным и ценным. А сделанное им обобщение передового опыта освободительной борьбы пролетариата того времени, нашедшее затем свое отражение в книге «Положение рабочего класса в Англии», явилось существенным вкладом в теорию научного коммунизма. Публицистика Энгельса конца 1842 — начала 1844 г. характеризует степень самостоятельного продвижения молодого социалиста к выработке кардинальных принципов нового мировоззрения, ставшего вскоре духовным оружием пролетариата.

³⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. I, стр. 443.

⁴⁰ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 42, стр. 195.